

3.12.1992 г.

18 часов 30 минут. Давно стемнело, но свет на улицах горит не всюду. Над головой грохочет электричка, под мостом нищих нет, но грязь и сырость остаются, неуютно настолько, что серую громаду «Ленинградской» гостиницы не красят яркие огни казино.

Афиша американского фильма «Калигула» сманила к кинотеатру «Перекош».

В дом 8 по Большой Спасской я помогал переезжать Анастасии Ивановне с улицы Горького 26/1, где 17 лет жилось ей в коммуналке. В середине октября 1979 года, наняв легковой «шикаш» и с той поры немало каблучков стёр на этих тротуарах.

...Резиновый половичёк у двери малость забит пылью. Как правило, наводить порядок начинаю с него. Но сегодня ноет спина, затяжелел портфель, полный книг и хлеба и, поленившись подниматься к мусоропроводу по лестнице, вытряхиваю грязь рядом под щитом электросчётчиков.

На сразу два коротких и длинных звонка, дверная ручка задргалась мелкой дрожью поплавка. Протискиваюсь бочком в приоткрытую дверь, второй шаг, и лишь потом замечаю за дверью понуро стоящую мягкоглазую, снежноголовую всю из «чуть-чуть» хозяйку.

– Здравствуйте, Анастасия Ивановна! – помогаю закрыть дверь на все защёлки и цепочку. – Как же так, никого нет, а вы выпускаете без оклика? Похожее в сумерках прихожей на спущенный парус лицо, оживает, скользкий дух узнавания перепорхнул к губам.

– А, Юрочка, – выдохнул себя стесняющийся рот без вставных зубов (надеть не успела), глубоко и давно надтреснутым от долгого молчания глуховатым голосом. – Похоже «прихожане» не беспокоили сегодня, – успеваю про себя отметить. – Здравствуйте! – смеётся, – выпустила так, с риском – и нет, не ошиблась. – Голос чуть закружается, смягчается в улыбке и, овладев ситуацией и собой, звучит «поставленным на собеседование» с желанием звучать властно, чётче, приглашая следовать этому всех, кто к ней обращается.

Снимаю пальто, обувь. Под цвет носков отыскиваю у складной металлической лесенки тапки, приглядываюсь с желанием всё и вся застать без изменений. Стабильность в её быту на 98 году жизни – больше чем благо.

АИ в сереньком, обвисшем на ней (давно уж всё на ней висит хитонем) халатике с длинным рукавом (не признаёт с коротких) и в новом, похоже из недавних подношений «прихожан» полушерстяном фартуке с пеной оборок и зелёно-жёлтыми цветами. Помогая снять фартук, вешаю на ручку вечно раскрытой

в кухню двери. Стоим рядом. Хозяйка гладит ладонью мою вельветовую цвета тропической ночи куртку, головой чуть наклонена вниз, непослушные пряди из паутиноко волос ложатся на бровь, спускаются к носу.

– С рукой случилось что? – ожог или порез – обрацую внимание на лейкопластырь на среднем пальце левой руки.

– Нет, Юрочка, какая история, вы первый, кто спросил об этом! – внимаю всем собой голос Праматери и тороплюсь вставить:

– Остальным некогда замечать, заняты собой или приходят с делом. А почему бинт, странно, с обеих сторон? – плеснуло кипятком? На ноги не попало?

– Нет, нет ни ожога, ни пореза, а вывих сустава.

– Господи, падали вновь?

– Скажите, нет, банальный вывих и хорошо, что у меня в этот момент был Саша Ковальджи, он помнил, что мне помогает, и сразу нашёл мазь, наложил повязку, заклеив с обеих сторон.

Да, Саша молодец, пластырь не жалеет, отныне в пластыре не только фотографии, окна, но и вы! Примечательно, знаменательно и любопытно. Кстати, у меня на руках в драках выбиты все суставы и стоит нажать на вот этот большой палец, он съедет в сторону. Как же у вас, тем более средний, умудрился? Здесь речь скорее о сухожилии, т.е. вы путаете вывих с судорогой или спазмом сосудов. А судороги бывают у молодых, здоровых, сведёт ночью ногу и хоть криком кричи. Как при обычных судорогах, вам нужно пить купрум и держать в руке медную иконку.

Зная, что и подозрение на недомогание вызывает у АИ массу беспокойства и мне предстоит услышать ещё многое, стараюсь сменить тему. С удовольствием оглядев три картонные коробки, полные овощей, прохожу вслед в комнату.

– Анастасия Ивановна, вспомните, вам не приносили приложение к «Литературке», посвящённое Марине Ивановне, так называемое «Досье», на этот раз, как я говорю, весьма и весьма грязно спитое. Одно дело оговорить в книге, которая попадает не к каждому, и другое – подобрать скандальное для широкого читателя. Деньги воистину не пахнут...

– Да, мне принесли всего один номер.

– Вот Вам ещё один на всякий случай.

– Хорошо, Юрочка, спасибо, я кому-нибудь подарю.

АИ садится в глубокое кресло, откуда вывалиться, заснув, невозможно, и потому самое безопасное для хозяйки.

– Почитайте мне книжку о явлении Божьей матери где-то в Испании. Недавно принесли и надо чтобы вы прочли, что она говорила детям.

Неожиданно громко, к чему нельзя привыкнуть, звонит телефон. Я моментально схватываю трубку и, не спросив *кто*, устраиваю аппарат у кресла и слушаю и долго слушаю жалобы на непослушный палец, о том, что скоро выйдет большая книга на 20 печатных листов и маленький сборник детских рассказов и как радует скорая возможность одаривать книгами близких и знакомых. Пока же лежит маленький сборничек Юлии Кунниной, изданный за счёт автора, и она с разрешения её подписывает и раздаёт всем, кто приходит. Собеседница обещает в ближайшее время появиться. Пока шли переговоры без всякого желания читать просмотрел слащаво оформленную агитку Ватикана. Вспомнил о 3-х экземплярах «Воспоминаний» третьего издания в портфеле.

– Анастасия Ивановна!.. – сам не успел побывать в магазине за вашей книгой, но обзвонил многих и они нам сохранили экземпляр, и магазину очень и очень признательны. Не подпишите ли для троих?

– Конечно подпишу!.. – ухожу и прихожу с книгами. – Юрочка, вы сможете ночевать у меня в воскресенье? – В скромном уборе до бесцветности истонченных ресниц и бровей белесый ситчик глаз твердеет и ненавязчиво вопрошает.

– Смогу, я привык ночевать у вас в воскресенье, если вы помните, это мой день.

– Станислава срочно вызвали родители в Одессу, он от меня уехал на вокзал. Его младший брат не может отлучиться из Москвы, он в очередной раз решает семейные дела. А сегодня и завтра ко мне должен приехать Витя.

Станислав Айдинян, Саша Ковальджи, Доброслава Анастольевна, Витя – тот лет пять как в помощниках у АИ; освободив меня дали возможность заниматься писанием, чем я, просидев за письменным столом за 16 пенсионных лет, воспользовался, стыдно признаться, нерадиво...

– Давайте так. Уж раз я здесь, позвоню Вите, сейчас 20 часов и, если застану на выходе, предложу ему остаться дома, а я заночую.

– Правильно, звоните (называет наизусть номер), но помните, это номер его родителей и они могут вашу просьбу ему не передать...

Я сообщаю план подмены, мне обещают Виктора оповестить, если он даст о себе знать.

Говорильня окончена, охотно подсаживаюсь к АИ. Она открыла книгу. Под своей фотографией на авантитуле возникают шатающиеся, сучковатые цифры 1971. Пока я рассказываю о приятеле – заме-

чательном художнике самоучке, который, закончив мединститут, врачует кистью и ироническим улом, авторе пьес, своеобразных персонажей – стомаков и далюидов, прекрасном семьянине, на титуле появляется надпись: *Семье Тишковых историю семьи Цветаевых, жившей в очень старой России. Храни вас Бог! Анастасия Цветаева. 98 лет 3.XII. 93 г. Москва.*

– Забыла, какие тут фотографии. Жалко, что не поместили мою фотографию с собакой. – Перелистывает, я помогаю ей найти подборку. – Что здесь, Юрочка? – водит по странице носом в тщетной улыбке рассмотреть.

– Мария Александровна и Иван Владимирович на глыбах мрамора.

– Да, я помню, они уезжали ненадолго и им очень понравилась эта поездка.

– А здесь дача в Тарусе.

– Вспоминаю эту фотографию, сейчас на этом месте танцплощадка. – Страница выпархивает из неловких рук. – А вот ваша любовь с Мариной. – Энергичный подъём головы ко мне, глаза выискивают признаки понимания, рука ощупывает, гладит Кобылянского. – Какие взрослые и многообещающие лица здесь у него и у Марины одиннадцатилетней! Рука скрывает надпись в конце страницы и я путаю Кобылянского с Эллисом.

– Я знаю, Марина Ивановна посвятила ему несколько стихов. Желая скрыть неловкость, помогаю перелистывать, АИ задерживает бег страниц, рассматривает портрет мужа Б.С. Трухачёва. – Какое благородное, человека достойное лицо, правда, похоже на Гёте и Гейне?

– Скорее на Байрона.

Господи, как в голову не приходило!..

– Естественно, ведь все романтики из вымирающей породы.

– А здесь, – взгляд на молодых на странице рядом, – Сергей какой-то отрешённый... – Что подтверждает ваше выражение: «Он пошёл в её руки как голубь».

И властный взгляд супруги, главы семьи, хозяйки. До чего же красивая пара и головы как на иконах, среди облаков.

Бегут, шумят назад страницы.

– Представить невозможно, здесь маме 36, а ушла из жизни в 38. Однажды повела меня мама на Кузнецкий мост к Фишеру фотографироваться. Тогда известное в Москве фотоателье, снимавшее императорскую семью. Мне тогда было годика четыре. Обходительный, вежливостью распираемый мастер, удивлялся воспитанностью дочери, говорил комплименты маме, но услышал моё обращение к маме – «Пёс» – опешил, начал заикаться и не желал услышанному верить. Маме пришлось объяснить, что это самое ласковое слово её дочери.

– А кроме её кого называли этим именем?

– Никого, только маму. С 2,5 лет добавляя по настроению «пёс серебряный», «пёс золотой» и позже даже «бриллиантовый». Правда, в первое время по малолетству, забывая слово бриллиант, называла порой бертолетовый, что всех очень смешило.

– А ведь об этом не написано?

– Верно, Юрочка.

– Славно, будет возможность дополнить новыми чудными страницами и, пожалуйста, помните: самая читающая страна у ваших ног и жаждет ваших публикаций.

Звонит телефон. Бархатисто-плюшевый голос назвался Лилией Газизовой. Я вспоминаю юную, миловидную с тенью перегоревших страстей в лице, пописывающей в рифму, якобы татарскую княжну из Казани.

– Слу-у-у-шаю, – по нисходящей, – кто говорит?! – строго и твердо вверх. А, Лиличка. Вы где сейчас, я рада слышать ваш голос! В Переделкино? – колёсико громкости выкручено полностью и мне отлично слышен голос Лили. – Как вы туда попали?

– Я по путёвке и буду целый месяц.

– Рада за вас. Я люблю Переделкино и в этом году побывала в нём четыре месяца. Как ваше самочувствие, личные дела?

– Хорошее, Анастасия Ивановна. Я вышла замуж.

– Вышла замуж! Поздравляю, муж хороший, заботливый, внимательный к вам?

– Да, мне повезло, я довольна.

– Вероятно, у вас скоро будет ребёнок и кого вы предполагаете?

– Мальчика.

– Я вам советую девочку, поверьте моему опыту, они менее капризны и потом, когда у вас будет мальчик, девочка будет помогать за ним ухаживать.

Лилия признательно схикивает, голос звучит с заискивающей благодарностью.

– Мой муж... мы хотим иметь только мальчика.

– Надеюсь, ближе к делу вы перемените решение. А как стихи, пишутся? Приезжайте, будет время, читаете.

– Да, Анастасия Ивановна, если можно, я днями заеду. Скажите мне телефон Саши Ковальджи, он у вас бывает по-прежнему часто?

– Да, три раза в неделю бывает, иногда ночует, мне нужно мерить давление потому... потому что недавно давление подскочило до 180/80 и я опасуюсь инсульта. А где вы взяли путёвку, сейчас это удовольствие стоит баснословно дорого?

– Путёвку мне достал муж.

– Ах муж, на то он и муж, чтобы обеспечивать.

АЦ начинает больше слушать, чем говорить, и это первый признак, что беседа её утомляет, слова проносятся в растяжку. Наконец уточняется время и детали встречи. Ссылаясь на свой опыт, АИ советует Лиле звонить Саше поздно и собеседники прощаются. Водворив телефон на место сообщают:

– Я княжну вспомнил, знаю и радуюсь, что она за подходящим литератором, похоже, мечта голубая сбылась. Женщине важно быть при... Лучше быть чей-то, чем всех. К слову, послушайте об этом байку. Как-то в ЗАГС заявила слишком юная, прямо с улицы, пара. Спрашивают у юноши, которому лет 17:

– Твои родители знают о вашем намерении, дают они согласие?

– Да, конечно иначе я сюда бы не зашёл.

– А твоя мама не возражает?

– Нет. – отвечает 15-летняя невеста.

– И что же она сказала тебе в ответ на заявление выйти замуж?

– Так ничего, сказала только «лучше так, чем просто так» и всё.

АИ смущённо опускает голову и охотно смеётся серебристо струящимся хохотком, щёки передёргивает загадочная, таящая века, судьбы многих людей, улыбка. Руки на кресле, чем не облик Вольтера во плоти изваянный в мраморе Гудоном?..

– Хорошо ответила мама.

– В положении многих мам лучше не скажешь, потому ответ этот помнят и будут помнить. А было это кажется в Чехословакии.

Пока мы говорим, тем временем книги подписываются для художника Арона Штаркмана, с которым приятельствую едва ли не с 1950 года; дочери известного в Молдавии журналиста, радио репортера Ф.П. Чащина, Ларисе, тем же текстом, что и семье Тишковых. Книги собираю и уношу в портфель, ставлю по просьбе хозяйки чайник. Проснулся телефон, беру трубку на кухне, говорит едва не ровесница АЦ, ближайшая, старейшая подруга, Е.Ф. Кунина. Пока приятельницы обмениваются жалобами, чисту законченные, зажаренные миски без всякой надежды управиться до поздней ночи. Тщательно скребу, тороплюсь, заканчивается разговор, с носа срываются увесистые капли пота. Завариваю чай, ухожу с кухни.

Усаживаемся за чтение книжицы Антонио А. Борелли «Фатимская весть: трагедия или надежда?» с явлением Пресвятой Богородицы трём португальским детям между маем и сентябрем 1917 г.

Через детей Пресвятая обратилась – при стечении многотысячных толп – с просьбой к людям – остепениться, иначе с лица земли исчезнут многие народы. Читаю последнее явление: «Шёл дождь на протяжении всего явления. Но в конце явления, когда Богородица начала подниматься, Лусия воскликнула: «Взгляните, солнце!» – облака приоткрылись, открыв солнце в виде огромного серебристого диска. Оно сверкало с невиданной силой, но не ослепляло. Затем огромный шар принялся «танцевать», подобно гигантскому огненному колесу, солнце быстро вертелось, распространяя вокруг себя красные снопы пламени».

Напоминает взлёт ракеты инопланетян. Дети, не знавшие реактивной, атомной энергии иначе и не могли воспринимать... И потом, ведь солнце не в состоянии плясать, вертеться, в природе нет сил, способных «сдвинуть» его с места. – Меняю ритм, так, чтобы А.И. перестала в дремоте ронять на грудь голову. Пока читал, А.И. выуживала из общей коробки нужные коробочки гомеопатических средств, отсчитывала и посасывала шарики. Некоторые белые «дробинки» просочились сквозь «дырявые» пальцы, усеяли пол... Я их собрал и, чтобы дать время на усвоение лекарства, продолжил чтение наиболее интересных с моей точки зрения мест. АИ сосала, дремала и возмутилась лишь однажды показом детям ада.

Договорились чтение прекратить.

Твёрдым, неспешным шагом к кухне, быстрым, как скок, к плите. Голос из-за спины:

– Какая странная каша! – приподняв за «ухом» сковородку к глазам рассматривает до плотной корки засохшую гречневую кашу.

– Чай давно ждёт, и если подогреть кашу, чай совсем остынет. Проповедуя древневосточную систему питания, некий Г. Осава, рекомендует жевать то, что мы пьём, и пить то, что жуём, как и принимать жидкость перед едой. Не рискнуть ли нам последовать его совету, и пока каша будет греться, приняться за чай?

– Конечно, давайте пить чай, – выбирает из глубокой чашки остатки тушёных овощей, мешает с кашей и я ставлю сковородку с месивом на плиту. Пьём чай с сахаром, заедаем кусочками печенья с листа целлофанового пакета со сладостями, что покоится на холодильнике. Сотни «прихожан» помнят, как пробовали с этого «листика» угощения. Рот, по аналогии с предбанником, принято считать предкухней живота. Стоит начать пить то, что жуём, организм начнёт усваивать гораздо больше, раньше насыщаясь, и тогда обмен веществ будет похож на обмен, а не обман их. Возможно, потому больные зубы отбирают

едва ли не 15% здоровья. Представляете, как-то Михаил Иванович Чуванов пожаловался на глаукому. Я обегал высокие инстанции и выхлопотал ему направление в клинику Фёдорова. Кстати, он попал в руки нашей знакомой Григорьянц. Не приняла, а предложили привести в порядок полость рта. Являюсь к нему как-то, Михаил Иванович улыбается, показывая пустой рот. Говорит – «Поллбуйся, что ты наделал, за 3 посещения в течение 3 недель мне вырвали 22 зуба», – и я всплеснул руками, – какой вред нужно было учинить своему здоровью, чтобы жить с таким количеством гнилых зубов и это на 90-м году жизни? Воистину дуб мореный, только богатырское здоровье, закалённое русским «авось» могло позволить подобное издевательство над собой.

Спешу поздравить Вас, Анастасия Ивановна, Вы пережили, не рассчитывая на то, древнейшего из моих знакомых на два года.

– При моём слабом здоровье мне самой странно моё долголетие. Марина куда здоровее меня в детстве и молодости, а вот... – и я впервые наблюдаю, как АИ обращается к сестре, со стен смотрящей на нас со своих трёх портретов, прикреплённых крепко к стенам лейкопластырем.

Странного нет, режим, характер, праведный образ жизни, вегетарианство, голод и холод многих лет, в том числе торем, сылок. Благо воздержания известно, увь, только мудрым. Притом природа сама чудный селекционер, как выясняется при внимательном рассмотрении. Замечено, что из двух вишен увечная калека, худосочная, плодоносит раньше, живёт дольше. Едва ли не все узники Бухенвальда оказались в долгожителях. У имеющего большой гарем шаха, как правило, рождаются наследники. Механизм саморегуляции в природе действует чётко на всех уровнях. Вот почему дворяне, зажиточные люди вырождаются в третьем поколении, природа отдыхает на детях гениев, и всплески творческой и умственной активности целых народов приходится на неблагоприятные годы, т.е. человек в раю непременно превратится в обезьяну.

– Вам, Юрочка, это не грозит.

– В стране вечной борьбы от роскоши не вырождаются. Чувствуется, что отоштал я, дальше некуда. Представляете, коробка «Геркулеса», что пользуется спросом, на то и повышают идиоты цены, – 0,5 кг. Стоит больше 50 рублей вместо недавних 35 копеек. Не запасись крупами заранее, я не знал бы что делать. И с запасом изворачиваюсь ужом. Берёт народ головы сомов для копек и себе в угоду. Сварганил на неделю полную кастрюлю ухи, и в ус не дуо. Представьте, с весны только куши малость картошки. Рука не поднимается платить за неё втридорога, в то время как она гниёт на складах.

В целом 97% продуктов и 99,9% промтоваров давно не по карману, но не унываю. Купил в том месяце на распродаже гуманитарной помощи из США тройку штанов на вес, так обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь, которая не столько находчивых, сколько весёлых не оставляет. Послушайте любопытный случай. Осенью, побывав у метро Тушинское у приятеля Арона Штаркмана (Вы подписали ему сегодня книгу), еду домой. И дёрнуло меня ехать «верхом». Ехать подземкой показалось мне издёвкой, а сократить время было заманчиво. Вышел спустя пару остановок к автобусу. Стою, жду. Вдруг металлический звон и в чаше полной урны замечаю калькулятор, выброшенный за ненадобностью кооператором из киоска рядом. Я подобрал, держу в руках, любуюсь дизайном нужной и полезной вещи, которую в руках держать приятно просто так. Стекло разбито и не работает, а ремонт стоит рублей 300, что мне не по карману, и ни к чему. Мелочь свою считать можно и в уме, или с помощью пальцев. Я всё же его приспособил; у каждого прилавка заглядываю в него, якобы считаю, и продавцы обсчитывать побаиваются, т.е. я экономлю ежемесячно немало и можно бы отремонтировать, но мне не хочется, так весело. Весело и Анастасии Ивановне. Или примерно в то же время на мусорных баках вижу две пары туфлей моего размера. Беру, и вот обул на многие лета. Смешно, но факт – живём с надеждой не на правительство и новый строй, не на перестройку, а на помойку.

Спал голодным, ну и что же, что сил меньше, но настроение, самочувствие прежнего лучше. Чем меньше масса, легче его двигать, да и годика три как к врачам не обращался. Так что напасти переносу покада с пользой.

– Юрочка, что за чай? Невозможная гадость, настоящее сено! Вы чем заваривали чайник? – вопрос застал меня врасплох. Извечная неприхотливость в одежде, пище, божественное отстранение от быта, ставшее притчей, и такой наскок?

Старую заварку я не выбрасывал, добавил вот из баночки немного новой, только и всего. Правда, смотрите, здесь хоть и на дне, но видно в чае – немного золотистых блёсок, словно подсыпана нашинкованная мелкая банальная соломка. Я её видел и решил, что для Вас с лечебной целью кто-то подложил нужную травку. Нужная травка – всегда неплохо.

– Терпеть не могу в чае травы, даже мяту. Как она туда попала? Я отлично помню, что никого об этом не просила, – сообщила она грустным и твёрдым голосом альта. Я новыми глазами всматриваюсь в чётко выраженный гётевский профиль и нахожу с умилением, что горбоносость придаёт облику необычайную монументальность и жизненность одновременно, и так как голос альта это голос не первой скрипки, поглядывая на портреты сестры старшей, пытаюсь представить её столетней на заветном стуле у этого кухонного стола... но мозг сверлит другое: «почувствовать вкус примеси, всё равно, что ловить микроны?»..

– Что делать, заварил чем есть и, думаю, этот чай попал в вашу банку из роскошной импортной коробки; заграница, особенно англичане, любят всяческие добавки, т.е. чай, как мне кажется, вполне съедобный, его, как говорят в России, «откушать можно», – стало быть, не грех. – Про себя продолжаю строить догадки: – на десятом десятке восстановить вкусовые восприятия ребёнка это ли не чудо женщины, способной дожить до «надцатой» молодости своей! А что, если это симптоматическое начало так называемого впадения в детство? – о худшем думать в этом доме не принято, грешно, и как-то не выходит, слава Богу. И так как за столом разговоры о еде скоро приедаются, постарался сменить тему.

– Слышал, к вам зачастил приятель Юлии, Саид Баев со товарищами и вы дали согласие побывать на вечере в Доме учёных?

– Да, машина обещана, Юлия талантлива и я пообещала сказать вступительное слово.

– Кроме Юлии и Саида кто будет читать свои стихи?

– Какая-то Света Максимова, я её не знаю, вы знаете её?

– Нет, впервые слышу её имя. Но Анастасия Ивановна, справедливо, оправдано ли, не побывав на торжествах к 100-летию сестры, вы вдруг появитесь на вечере неизвестных, пусть и способных поэтов?

Лицо, окаменев, помолодело...

– Марины нет, ей не поможешь. А здесь благодаря мне устраивается вечер. Конечно, я дала согласие, – прозвучало не допускающим возражения, сомнений тоном, с чётко выделенными нотками, расставленными акцентами так, что и козе понятно: инцидент исчерпан, но для меня исперчен, и чувствуя себя я крайне неловко под взглядом Марины Ивановны со стен, «Пуританство оправдано тем более, когда живётся «главной жизнью» и, вероятно, грешно осуждать, тем более в женщине, желание быть полезной образованным и одарённым молодым».

Мы пьём чай. Зная, что А.И. любит поговорить и во время еды, а закусив, впадает в спячку, так как вся кровь и силы сосредотачиваются на усвоении, считаю своей обязанностью помешать ей отвлекаться, рассказываю о делах в мире. – О грызне, в запальчивости потерявших последний разум «глав» правительства и Верховного совета, досадуя, что в мире, где о других подумать мало того, что некогда, ещё и нечем, лишь реки крови да годы могут образумить массы.

О том, что иностранцам выгодна наша бедность, и с одним долларом в кармане чувствуют себя у нас богатыми – как у бога за пазухой и что японцы покупают у нас шубы за стоимость бутылки Кока-колы. Все понимают, что если нам не удалось построить социализм с человеческим лицом, то с какой мордой получится у нас капитализм и, страшась этого, разрушают, а не строят, ибо привыкли делать то, что легче. Мы много говорим, осуждаем, клеймим и несёмся невесть куда на тройке русской из «авось», «небось» и «как-нибудь».

На зависть хорошо приматы умеют приспосабливаться и размножаться, а живородящие – урвать. Лет 30 назад я вслух не стеснялся сокрушаться: не дай боже с советским быдлом встретиться у корыта и, едва стукнуло 40, сказал: грызитесь без меня, друзья, товарищи, – и на пенсию ушёл, довольный тем, что мои годы пришлись на 60-е, а не на 30-е, и потому в живых, в память о многолетней борьбе в авиации с пустоголовыми и процельгами. На прощанье заказал экслибрис с запорожским казаком, который нажил себе штаны, а не рубашу, и с саблей наголо воевал с глечниками на тыну. И мысль о том, что в Аэрофлоте вряд ли найдётся кто с карьерой от второго пилота ИЛ-14 до второго пилота ИЛ-18 за 30 лет. Это скорее тешит, нежели греет. Летая, 13 лет мыкался по частным квартирам, в то время, когда едва ли не вся страна въехала в новые дома. Это нужно уметь и это «умение» стоило одному Богу известно чего и как.

Исповедально-отповедальную тираду АИ выслушивает с трогательным смирением и так, как должно относиться к заговариванию зубов. Я же с пользой для себя облегчив душу, рабуюсь: хлебу насущному воздаётся как следует и, стало быть, задача решена.

Напившись чаю, скребу на мойке посуду, АИ поедает кашу без крошки чеснока для аппетита, как заведено. До этого я перерыл достаточно богатое содержание холодильника в поисках чесночного зубчика в белёсости изморози морозилки. Когда нашёл чеснок, на чесночной сухой коже увидел сухой белёсый волос с головы хозяйки. Солнце, алмаз, зерно, чеснок, мозг, голова, – какие великолепные «сгустки» величия жизни, природы...

Упоминание о Доме учёных, занозившее память, напомнило мне даму, некогда бывавшую у АИ. Когда умер её муж, большой учёный, она публиковала его труды и, пристрастившись, пописывала сама, но большую часть времени разъезжала по всевозможным научным симпозиумам, конференциям, конгрессам, как мы предполагали, с пользой для секретных служб. Мы хорошо понимали, о ком идёт речь, но имени её тогда не вспомнили. И я поделился подозрениями о деятельности такого же рода другого общего знакомого, в отличие от первой, во всех отношениях замечательного, всеми любимого человека, который, едва намечаются конфликтные события в юго-восточных странах, он непременно там бывает.

Знакомый в Москве занимал высокие посты и ныне возглавляет крупную организацию, к которой во все времена благоволила правительственная верхушка.

Управившись с кашей подчистую, АИ принялась за ежевечернюю курагу, размоченную в кипятке. Выудив пальцами плохо расчленённые кружляки из кружки, долго жевала, сосала и, обессилев, складывала мякиши в горку, жалуясь на вязкие волокна. Не доев, сморкаясь в платок.

– Никак кровь из носа? – заметил я бурые пятна на платке.

– Да, бывает, я сильно сморкаюсь и вот...

– Слабые сосуды. Нужно дышать, сунув нос как можно ближе в горчичницу и накладывать на переносицу смоченный в холодной воде платок. В юности в самое неподходящее время мне тоже такое досталось. Особенно в летнем лагере Сумского учебного центра. Сидишь, бывало, на разборе полётов и вдруг ни с того, ни с сего, закапает, а то и польётся, и это накануне поступления в училище. А закончил училище – новая напасть – близорукость. Одних уколов алоэ по методу одесского академика Филатова я принял с тыщу, натирал морковь и давил сок, скитаясь по квартирам, учил наизусть таблицу, определяющую остроту зрения, как ни вызубришь кружочки, скажем – в, а, н, – то есть литеры сверху, – слева вниз, стоит указке врача ткнуть, все из головы вон. Кружочков с буквами в ряду много, а заучивать приходилось раза 3-4, и сообразить в критический, напряжённый момент – ну никак. И смех и грех...

– А как вы думаете, палец долго будет меня беспокоить?..

– Думаю, нет. И тем быстрее успокоитесь, чем реже вы о нём будете вспоминать, – пытаюсь настроиться на бодрый тон. Пока ели, вели беседу за столом, АИ дважды заводила речь о пальце, и полагаю, не в последний раз.

Посуда перемыта, мы переходим в комнату. На кухне, в комнате нет пустого места без портретов друзей, близких, снимков котов, собак, пейзажей. И куда ни повернись, подарки, превратившие квартиру в музей щедрости народной.

– На 99 году жизни жить одному невесело, связано с риском. Нет ли на этот счёт новых планов?

– Верно, радости мало, но жить с моими много хуже, и я не смогу. А так днём обязательно кто-то приходит, помогает. Я всем конечно рада, но в последнее время устаю, чувствую себя неудобно. А постоянно быть на виду, среди чужих, поверьте, занятие утомительное. Другое дело вы, Саша, Доброслава, Ромена или Ира, люди свои, и с вами по-домашнему свободно, душа отдыхает и я забываюсь. Всё это надёжные для меня люди. И вот недавно Бог дал, а Саша привёл ещё одного славного помощника, вы его знаете и любите, Виталика. Нет, я не чувствую себя одинокой, пожаловаться на судьбу не могу.

Беседуем стоя. Внизу светит мне во всю голову светлая макушка великой женщины с весом второклассницы... Кончается XX век, помнивший, как в его начале волосы двух сестёр промывались до пышности, волшебным вились и взлетали. А ныне можно сосчитать, и смотрятся ветхозаветным серебряным пухом, прозрачным, загадочным, словно серисто-перистые облака...

Слава Всемилостивейшему, «шаг нашей Асенки», как осмеливается называть её Евгения Филипповна, скор и лёгок, и в сухости тела, изжившего себя до лозообразных жил, до какой-то его серебряной, ребристой лунообразности. МИ любила серебро, АИ вся из серебристости, есть нечто от тонизирующего веяния киммерийских тополей. Явь, грёза ли, но умиление моментом, швыряет в лицо кипень акации с улицы детства, как в недавнем сне холодит лепестков майская свежесть, но без их аромата.

Увы, возвращать запахи способен сон, а не моя память.

АИ полулежит в «гамаке» – покрывало на красном, прекрасном кресле, готовом качать свою драгоценную ношу. Не мешай ему... На половину комнаты распротёртый старенький рояль стенает под тяжестью на него наваленного всяческого добра. Я подношу АИ трубку телефона и слышу поздравление с праздником Пречистой Девы Марии. Праздник ведь завтра – подперев голову ладонью удивляется АИ. Дама оправдывается: на завтра на несколько часов и в помощь посещения церкви предлагает машину. Предложение её оживляет и с радостью принимается... Условившись о времени, АИ торопливо прощается с милой дамой...

(...)

Бросается телефонная трубка, лёгкое шелестение пол длинного халата, хлопок двери потаённого местечка. Как серенькая мышь, была вот и уж нет. Круг на катке «Парка культуры» на беговых коньках АИ сделала в возрасте 78 лет. На 90-летие мы договаривались повторить примечательный акт в столетие и то, что за последние пять лет мы об этом не упоминаем, не говорим о безнадежности затеи.

Стол на середине комнаты обкрадывает пространство. Сегодня стол более или менее убран, но мастерски выполненный Владимиром Тарасовым портрет МИ среди книжных завалов на кресле, помещенный спиной к окну и боком к шкафу с книгами, возмущает. «Откапываю» портрет и водворяю на «распятый» на стене чехмоданчик динамик переносного проигрывателя. Сам проигрыватель пылится без дела на тумбочке рядом, хранящей под замком рукописи и редкие издания. Место портрету в самый раз. На столь высоком уровне в комнате разве что рисунки правнучки Оленьки Мещерской, и клеёнка с былинным сюжетом, записанная масляными красками сыном, Андреем Борисовичем Трухачёвым, главенствующая на стене «будуара», отделённого зелёной занавеской и киотом. Любуюсь удачно найденным местом в этой сутолоке вещей, я про себя прикидываю варианты: ведь время позднее, а ночёвщика ещё нет, и любованье растягивается. Порой наши заботы, как и мысли, удивительнейшим образом совпадают.

Появившись, АИ тут же затевает телефонный разговор с Доброславой, живущей неподалёку в Безбожном переулке, с просьбой утром позвонить и, если надо, подойти. Не исключая возможности остаться одной ночью, АИ решила подстраховать проверку утреннего давления. Обеспокоенная скачками дав-

ления, она несколько лет подряд старается проверять его дважды на день. Пытаюсь уговорить хозяйку оставить меня, а явится Виктор поздно, переночую в её кресле. Не желая принимать от меня жертвы, АИ отмалчивается.

– Юрочка, вы видели мою «Черепашу» в журнале «Свет»? – обрывает меня едва ли на полуслове.

– Какая «Черепаша», я её не помню?

– Сказка, написанная мною в 20-е годы. По-моему написана удачно. – Находит и протягивает мне журнал.

– Поздравляю, замечательно, здесь и статья Рудольфа Штейнера. Всего два имени в журнале «Свет», а ниточки от них опутывают весь свет белый. Чего, бывает, не сплетается с судьбой?.. Если есть экземпляр, подпишите.

– Конечно! – и на его обложке надпись: Юрочке – мою «Черепашу», написанную в 29 лет. Цветаева, 98 лет.

29 и 98 – и это пройдёт, – подумалось мне, – но как много останется от имён Цветаевых...

– Спасибо! – жму необыкновенно тёплую, что случается при нормальной температуре в 36,4 и по-молодому влажную руку... Сонный ветер задул из глаз на веки, голова роняется. Ужин берёт своё. «Господи, сохрани ей то, что так славно сохранил: невесомость, ум, кровеносную систему и жажду к людям, желание жить, творить! Ведь будь Анна Андреевна сухопарой, жила бы и жила...

– Статью Штейнера вам не читали? Называется – «Присмотритесь к ауре» – и публикуется под рубрикой «Познай себя». Начинаю читать: «В ауре волнуются самые разнообразные оттенки цветов. И это волнообразное движение есть верное изображение внутренней человеческой жизни».

Громкая читка оживляет начавшую было кланяться в дремоте АИ. Послеобеденная дремота – естественное явление и для людей молодых, здоровых. Не прочёл очередного абзаца, слышу:

– Как-то собрались на Капри у Горького Борис Михайлович Зубакин и Ракицкий.

Догадываясь о том, что последует, сворачиваюсь, вскакиваю, достаю пару чистых листов на нижнем шкафу, у глухой стены поставленных уступами: шкаф с книгами, с вещами, из строя вышедший холодильник, набитый чем угодно, и кресло, занавешенное косынками, ковриками, одеждой, и тороплюсь записывать.

– А кто такой Ракицкий?

– Иван Николаевич Ракитский – художник, жил у Алексея Максимовича, снимал комнату, из состоятельных, имел какое-то своё заведение, словом состоятельный человек из эмигрантов, звали его – Соловей.

– Почему так, а не иначе, не помните?

– Нет, не знаю. Горький сам, несомненно, обладал сверхчувствительностью и перед извержением Везувия обязательно заболел.

– И что делал, когда заболел?

– Как что? Лечился. Значит, о Штейнере. Так вот, когда я пришла, Горький говорит: «Ну, колдуны, давайте смотреть мою ауру». Зубакин и Ракитский вышли в разные стороны от кабинета, потом входили по очереди и, внимательно присмотревшись, оставляли записки. Когда оба ушли, мы прочли в записках: бледно-лиловая и светло-лиловая. – Сказанное утомляет, АИ умолкает.

Схватываю со стола «Свет», вычитываю: «Отличительное свойство активных душ, в противоположность пассивным, состоит в том, что их синева изнутри наружу пропитана светлыми тонами» – Перебегаю строчки, затрудняясь выискать нужное. Голова АИ начинает клониться. Бегло просматриваю текст и, вычитав, докладываю: «оказывается такая аура характеризует мудрецов, генераторов идей и благородных поступков, т.е. граждан духовного мира, и, если способность к самопожертвованию выражается в деятельном служении, таких «слуг вечности» можно назвать светочами, посредством которых этот мир освещается Творцом... (...)

Мне кажется, и Штейнера можно назвать властителем умов. Как в оное время у нас стекались к старцу Амвросию в Оптину Пустынь, так со всего мира тянулись после Блавацкой и открытия индийской философии, к Штейнеру.

– Но от него ушёл Эллис. Помню, когда мы с Борисом были в Берлине, Эллис уговаривал нас идти с ним на лекцию Штейнера, но сказали: «Нет, мы идём в ресторан», – рот АИ кривит горькая усмешка осуждения.

– В какой, не помните?

– Названия, нет, не помню.

– Видите, а лекция доктора тайноведческих наук наверняка бы отложилась в памяти. «Ах, если б молодость знала, а старость могла», – так, кажется, сокрушались и продолжают сокрушаться мудрецы.

– В те годы, я помню, видела фотографию Штейнера. Меня поразило точно сгоревшее, совершенно сожжённое лицо с той смуглостью, какая не даётся от рождения, а покупается ценой испепеляющих переживаний, и жгли его глаза, как глаза Зубакина.

– И чем глаза Зубакина отличались?

– Это были настоящие огненные глаза, большие, сильнее глаз Пастернака. Когда Зубакин входил в комнату, только на него и обращали всё внимание. Он весь состоял из неожиданностей и импровизировал гораздо сильнее Адама Мицкевича потому, что тот готовился, а Зубакин включался сразу и был сама необыкновенность. Импровизации в Доме учёных публику ошеломили... – имена Горького, Зубакина, Пастернака высекают в глазах у меня искры, туманятся, оплывают портреты корифеев.

Расписной под хохлому стульчик, как малый жеребёнок, не отлучавшийся от кобылы, стоит у спины секретера поставленным в угол провинившимся школьником. Секретер и рояль образуют так называемый кабинет, куда АИ последние годы не заглядывает за ненадобностью. На «спине» секретера вглядываются во входящих, здесь снующих, портреты – красавец-Лермонтов в мундире, Пушкин, сложивший в ожидании славы руки на груди, сумрачный великомученик Достоевский, по-арийски взыскательный Тютчев, удалой Есенин, «преподобный» Горький, живописный Пастернак, кротчайший громовежнец Макс Волошин, Рильке, страдалец-Ланн, покончивший с собой и с женой в одночасье, Марина Ивановна с двух портретов. Половины имён хватало бы, чтобы украсить спину вечности, и всё это созвездие меркнет в искрах, а голос монотонно добавляет им огня. – ...Он, Зубакин, был ни на кого не похож, им столько же восторгались, сколько и не любили и считали «стукачём». В ту пору я писала фантастический роман «Созвездие Скорпиона» и прототип главного героя, астроном, пришёл ко мне за справкой. Борис Михайлович, зная, что астроном распускает о нём слухи, будто он работает в ГПУ, вместо меня отвечает астроному: Анастасия Ивановна не успела эту справку навести, будет время, зайдите ко мне на Лубянку, там и Анастасия Ивановна работает. Когда астроном спешно ушёл, я недоумённо спросила, вы ведь знаете, какого он о вас мнения. «Не всё ли равно, – говорит и улыбается Зубакин, – Ну, пусть говорят, какая разница». – Не подозревал, что играет с огнём и в этом огне однажды погибнет.

– Расскажите ещё раз о его судьбе, в какие годы он выступал в Доме учёных, доме, которым в памятные для москвичей годы владел главный «архаровец», а в ваши годы заправляла жена Горького, Мария Фёдоровна Андреева.

– В 1929 Зубакин был выслан в Архангельск на три года. В 1932 году вернулся и полгода жил у родителей своей жены. Приходил ко мне обедать (но не долго), так как был мясоедом, а я не ела фарш. Через полгода Сталин ввёл паспортный режим и Зубакину в Москве отказали. Он уехал в Архангельск и канул, – в 1937-м его арестовали. Последнее, что я о нём слышала, остались две поэмы, посвящённые мне. Но я благодарна не поэмам, а ему самому, как и каждому незаменимому человеку: тайне его голоса, черт, судьбы, участия в нас, в своём времени. И Горький был прав, назвав в числе гениев в ряду с Лениным, Толстым, Зубакина. Когда из одной тюрьмы перевозили арестованных в другую, Борис Михайлович подбадривал всех, импровизируя стихи. Больше о нём слухов нет, говорят, что его расстреляли. Начиня импровизацию, он умолкал, бледнел и говорил так, будто считывал. Я слышала десятки импровизаций, но запомнилась лишь одна, с заданием на слова «сберкасса», «чёрт», «берет»; –

*Кто куда, а я в сберкассе
Не отравлюсь никогда,
Лучше я отравлюсь в Ахасу,
Пли чёрт знает куда.
Кто куда, а я в сберкассе
Отдалённых звонких лет
Положу мою кирасу
И мой рыцарский берет –*

Та-та – тата – та-та – тата... – отдаёт у меня в ушах чёткая считалочная ритмика детской считалочки.

Постойте, по-моему это уже опубликовано, но где? Да, вот, кажется, в книге «О чудесах и чудесном», где ваш экземпляр? Иду за ширму так называемого Киото-будуара, к чудной, неплохо сохранившейся тумбочке, исполненной, на мой непросвещённый взгляд, в «новом» стиле, извлекаю безвкусно оформленную в оранжево-красных и жёлтых тонах книжицу фирмы «Буто-пресс», 1991 г. Роюсь в обширнейшем предисловии Станислава Айдиняна, нахожу и повторяю прочитанное АИ, удивляясь механической памяти, которая и порядок слов «сберкасса», «чёрт», «берет» запечатлела так, словно они на матрице.

– Дела неважные. – Время жмёт на мозоли, давайте решать. Потому как Виктор не звонил, с минуты на минуту он появится, и чтобы не ночевать вдвоём, а вам с тройной охраной, я предпочитаю смыться вовремя и, стало быть, успеть на электричку.

– Да, да, бегите!..

На ходу одеваюсь, меня крестят, я полон опасения: как бы костёр слов в прихожей в очередной раз не разгорелся, и тогда... Сколько умчалось из каморки прихожей, так и не добёжав?

– Пожаляйте мне здоровья, вы правильный человек, и я надеюсь, мне это поможет. Возможно, станет час, вы поумнеете и придёте к Богу, тогда вам будет легче. А пока как можно, думайте обо мне и желайте здоровья. Оно совсем уже истощилось! – и взгляд входящий в душу, в сердце валидолом, прослушивающий тайники...

– Как всегда постараюсь так это сделать, чтобы вам ничего не оставалось как о болячках забыть, ну а сегодня все силы положу и вымолю такое самочувствие, чтобы не знать нужды в измерении давления ещё лет 30.

Мы обнимаемся «как лошади», как-то заметила АИ, и расстаёмся вагонами поезда, у которых не соединились шланги рук.

Октябрь на улице, декабрь в календаре. Климат теплеет, скворцы в Москве зимуют, будто в Кишинёве...

[...]

С электрички ступаю вниз, на платформу, с освещённой платформы в темень ночную, по искорёженным ступеням, что в подвешенном состоянии, как на лямках парашютных... Их несущая сила изумляет. Наконец шаг обретает привычную опору матушки-земли, а с ним из области затылка, крылышек лопаток, прострел ликующей догадки и ощущения кожей души, плос крестного знаменья на спине. Ведь из двери 58 квартиры на Спасской я нырнул в темень лестниц на глазах у АИ, чего она не любит и многих окриком заворачивает к лифту. Меня же, непутевого не окликнула, а перекрестила.

Тёплый декабрь, декабрь без снега скучен в Подмоскovie. Воспевать принято вечную весну, а не предзимье. И если кто о гулкой пустоте и говорил взахлёб (описать серость моли не каждому под силу), так это яростнейший лирик в прозе Николай Зарудин – человек необычайнейшей судьбы, ум, сердце которого утверждает мир, где каждая «былинка знала своё мироздание», а на страницах книг пылают рибины «изнурённым, тревожным румянцем», воздух пахнет «лугами, как какими-то веснушками земли» и я зачитываюсь им многие годы, как нынешние читатели *неточитающей* в мире страны, открыв для себя недавно, зачитываются А. Платоновым.

[...]

...Зябко и одиноко под низким хмурым небом в час ночной на дне колодца из домов высотных зданий. На вырчку, как дальний свет, память о наказе, «Да светится, святится имя твое, Анастасия, и, да прибудет в мире доброта ныне и во веки!..».

00.10 минут. Пришёл. Успел переодеться и звонок. В трубке усталый, вяло скрипящий голос...

– Юрочка, звоню, чтобы сказать вам, что Виталий не явился. Его родственники, я только что звонила, сказали, будто кто-то у меня заночевал, и просил Виктора не приезжать. А я сидела, сидела, не дождалась и вот сейчас выпью лекарства и лягу. Но прежде поставлю квартиру на охрану, хорошо вот поговорила и вспомнила об этом. Иду! Пожелайте мне спокойной ночи.

Мягкая ссылка родственников Виктора на меня глубоко ранит и я чувствую себя виноватым и с первых же слов готов был сорваться и ехать ночевать, хорошо понимая глупость не только жеста, но и самого заявления о том в столь поздний час, во времена всеобщего развала.

Рассказываю скомкано, в спешке, как по дороге к дому выполнял поручение, заверяя, что сила моих просьб уберезет её на долгие годы. Слушала, я заслуженно понимал, без внимания. АИ с желанием сделать это доброжелательно, одобрительно прихмыкнула: «Сейчас иду ставить на охрану и закрывать дверь на цепочку».

И мы обменялись пожеланием спокойной ночи.

00 ч. 35 минут. На кухне. Перекусив, записываю, не отходя от стола, канву событий дня, поверхностные впечатления... [...]

Постскриптум. 5.9.93 г. Описание декабрьского дня на черновик легло легко и сразу, но руки не поднимались печатать текст на машинке. Начав, боялся окончания. Печатаю сегодня, невесть под чью диктовку, в 14 часов дописал абзац: «С электрички ступаю вниз, на платформу». В 15 ч. звонок К.В. Ковальджи – АИ утасла. «Печаль моя светла», но слёзы застыят.